

Владимир Рецептер

Позднее слово

Оказавшись впервые в питерской квартире сегодняшнего гостя наших «Строф», я заметил за стеклом книжного шкафа в кабинете — странный портрет хозяина дома.

Это было именно его чуть-чуть «неправильное» лицо, его особенный, простодушно-детский и вместе с тем цепкий взгляд. Только одеяние было странным: поверх домашнего фрака — халат, шея повязана платком. «Скорее всего, он тут в роли», — подумал я.

Владимир Эммануилович засмеялся за моей спиной: «...Скажи — похож?» Я обернулся, не понимая. «Это — Павел Нащокин. Мне друзья подарили, как можно такое не подарить?»

...Драгоценный друг Пушкина! Крестный пушкинского сына Саши. Тот, у кого поэт всегда останавливался в Москве, кого он безмерно любил и ценил, в чьём фраке венчался, от кого получил сюжет «Дубровского». Боже мой, как же они похожи — коллекционер-меценат Павел Воинович Нащокин и актер-режиссер-поэт Владимир Рецептер.

Я и сейчас, когда смотрю в интернете на этот нащокинский портрет работы Карла Мазура — глазам не верю. А потом думаю: нет, это всё не случайно, так и должно быть.

Создатель уникального театра-лаборатории, сиречь Пушкинского театрального центра, учёный-пушкинист, автор многолетних исследований о поэте, поставивший на сцене всю пушкинскую драматургию и то, где пушкинская драматургия прописана симпатическими чернилами (из последнего — «Сказка о Салтане и Гвидоне» и «Барышня-крестьянка»)...

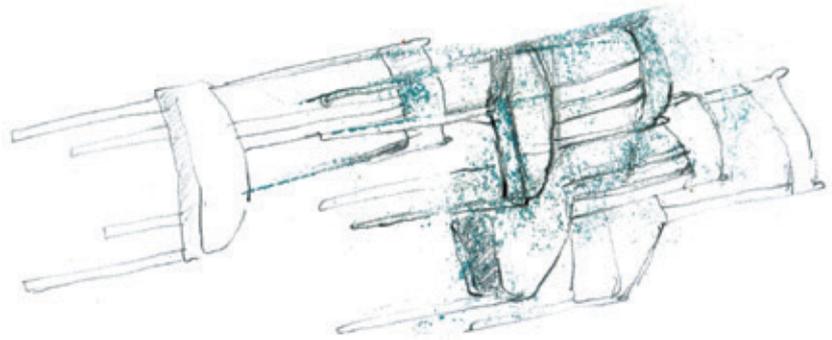
Словом, сердечный друг Пушкина. Реликтовый, преданный. Десятилетиями не прекращающий своего внутреннего разговора с ним.

Но как же он при этом всё не боится стихи писать? ...Так он не может их не писать, это же его просительно-покаянные послания Богу и себе, без них ему — никуда. Это его память сердца.

Хотя в ежедневном присутствии Пушкина — писать, наверное, страшно.

В архиве нашего выдающегося читателя-критика Станислава Борисовича Рассадина (1935 — 2012), остался неопубликованный набросок: «...за протёкшие, а кажется — пробежавшие годы в Рецептере — как поэте — возросло нечто, перед чем робею, не решаясь рецензировать; только радостно удивляюсь...» Возросло — ценное слово... **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Наталии Кондратовой

* * *

С каждой строчкой в рассрочку,
я за временем не поспевал.
Жил да был в одиночку
без громких опал и похвал.
Говорю о стихах.
Потому что актёрский доспех
защищал не за страх,
а за совесть от прочих утех.
Ах, эстрада, эстрада!..
Я помню твою благодать.
Ты, как плаха, бывала мне рада,
чего уж скрывать.
Чёрный свитер, рапира,
да стиранный воротничок, —
это Гамлет Шекспира,
а не оторопь собственных строк.
Это позднее слово —
тебе одному и тайком.
Принц появится снова
моим выросшим учеником.
Но в последнее время...
В эпоху последних времён...
То, что иго и бремя, —
всё ближе, чем битва и звон.
Потому что из морока быта,
из мрака стыда
мой двойник неизбытый
выходит шептать иногда.
А в забытой тетради
покажет две лёгких строки —
и сидишь, как в засаде:
вот новости — черновики...

Из цикла «На смерть друга»

Я живу в окруженье смертей,
как последний солдатик в траншее.
Мне уже не до прежних затей,
а до крестика, вот он, на шее.

В чем я грешен, простите меня,
все, кто умер вокруг, друг за другом
от прицельной пальбы и огня,
все, кто был моим дружеским кругом.

Вы спасали меня и спасли
своим телом, и прахом, и духом.
Я вам кланяюсь всем до земли.
И земле, чтобы сделалась пухом.

Три стихотворения

I

Преодолеть бессонницу работой —
благое дело. Что за сладость — труд!..
Он предстает спасением и льготой,
как будто к делу ангелы зовут.

Теперь свой светлый круг очертит лампа,
объявятся искомые слова.
Благодарю, проверенная лямка,
впрягся — и натянулась бичева...

II

И проза повела себя как стих:
то вдруг летит, а то стоит на месте
и ждет, чтоб шум бессмыслицы притих,
рождая смысл о счастии и чести.

Как эхом отдаётся каждый шаг,
и вздох, и выдох, слово и звучанье.
И подаётся чей-то тайный знак
о продолженьи или окончаньи...

III

Я не стеснялся тем, как я живу —
в снятом углу, в общаге и в однушке,
в гостинице, во сне и наяву,
в долгах, в мечтах, на воле, на прослушке.

Кто мне внушал, что видимость — тщета,
а радость — не в зеркальном отраженье,
пока я жил да был, как нищета,
и лоб крестил задолго до крещенья?..

***

Омут воспоминаний
не обещает дна.
Список непониманий
пишется допоздна.

Ну, почему же? Как же?
Из-за чего? Зачем?
Кто из своих подскажет?..
Каждый далёк и нем.

А неизбежный омут
тянет, влечёт, пестрит,
словно житейский опыт —
лучших пород магнит.

И объясняет лживо
то, чему нет причин.
Музычка без мотива.
Пляска кривых личин.

Не уклоняйся. Кайся —
вызовешь слёзный ток.
Жаркой молитве сдайся.
Нам покаянье впрок.

***

Забыванье, беспамятство, страхи —
звенья старости, части пути,
как подкрадыванье росамахи
к смертной жертве; и ей не уйти

от прыжка, нападения, удара
по открытому горлу и в бок;
в Божий дар и от Божьего дара —
к новой жизни, сбивающей с ног...

ноябрь 2018

